

ДУХОВНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

С.В. Хомутцов

Во второй половине XX в. во всех формах духовной культуры стали происходить существенные изменения, которые были связаны, с одной стороны, с изменениями во всех сферах жизни общества, с другой стороны, с изменением геополитической ситуации на планете, обострением глобальных проблем человечества, порожденных ценностями и идеалами техногенной цивилизации со всеми ее достижениями и недостатками, отражающимися наиболее ярко в так называемой культуре постмодернизма (постмодерна). Резкий разрыв с прежними культурными ценностями, которые, по мнению представителей постмодернизма, породили все трагедии XX в., акцентирование внимание на маргинальных аспектах бытия человека и общества, стали наиболее крайним проявлением разочарования в идеалах Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, науку, торжество разума, безграничность человеческих возможностей.

Возможно, есть смысл отметить гуманистический потенциал ряда мировоззренческих позиций постмодернизма в контексте многоликости их проявлений в постсовременном обществе, на которые обращают внимание многие исследователи (А.С. Колесников, Л.А. Микешина, Ю.А. Сандулов, Е.М. Сергейчик, И. Хасан и др.) [2]. Приведем примеры лишь некоторых сторон техногенного бытия и культуры, которые подвергаются трансформации в постмодернизме: урбанизм в постмодернистском видении заново открывает ценность природы; технологизм становится основанием «технологии бегства» от достижений техногенного общества; дегуманизация раскрывается как антиэлитаризм, антиавторитарность; психологизм выливается в движение за возможности человека; антиномизм погружается в парадоксы постнеклассической рациональности; экспериментализм, инновации обретают формы открытых структур, антиформализма и фантазий; сциентизм обретает статус «инструмента» расширения горизонтов рациональности; рационалистическая стратегия бытия облекается в этический плюрализм и возможность осознанного выбора; конвенционализм техногенных установок трансформируется в контекст диалога культур; «объективное» отражение реальности превращается в модели-

рование действительности путем экспериментирования с искусственной реальностью и т. п.

Однако предельный релятивизм крайностей постмодернизма во всех формах духовной культуры неизбежно ведет к безответственности, разрушению этических и эстетических основ самореализации и самовыражения личности в различных видах деятельности. Отрицая наличие твердой иерархии нравственных ценностей и провозглашая их сугубую относительность и виртуальность, постмодернизм акцентирует внимание на социокультурные патологии и аномалии, преподнося их «как нечто оригинальное и нестандартное, воплощающее дух подлинной человеческой свобода» [1, с. 487].

Необходимо учитывать тот факт, что представители постмодернизма получили образование и воспитание в духе классических образцов духовной культуры. Поэтому их выход за ее пределы на основе сложившихся ценностно-смысловых детерминант, возможно, первоначально означал некое расширение познавательных горизонтов, пространства свободы творческих устремлений. Ведь на определенном этапе формирования человека, его личность начинает осознавать некую условность многих реалий бытия и стремится противопоставить себя существующей социокультурной среде. Но это является результатом собственного жизненного опыта, мучительных исканий, заблуждений, обретений и потерь, результатом, который коррелируется существующей духовной традицией, позволяющей транслировать от поколения к поколению некие незыблемые устои жизни. В конечном итоге личность в процессе последующей адаптации чаще всего обретала в прежнее время духовно-нравственную основу и принимала эстафету разума, достигая самореализации в том или ином виде деятельности. Современные же молодые люди, изначально формирующиеся в культурной среде постмодернизма, вообще не приобретают никаких устойчивых оснований для последующего творческого поиска, и «свободный полет мысли» превращается в бессмысленное «самовыражение» гипертрофированного внутреннего мира капризного эго, легко подверженного внушениям СМИ. При этом отбрасывается извечное стремле-

ние к высшему, абсолютному и вечному, при-
сущему человеку и имеющему, очевидно, он-
тологическое основание в его бытии и соот-
носимому с понятием «духовность».

Резкое понижение духовного уровня ин-
дивидуального и общественного сознания в
условиях тотального господства массовой
культуры сопровождается сегодня не только
усилением социальной напряженности, кон-
фликтами на разных уровнях социосферы, но
и ростом самых различных заболеваний, вы-
сокой смертностью в ряде регионов планеты.
Все это становится проявлением духовного
кризиса, связанного с нарастанием противоречий
в разных сферах жизни общества, во
внутреннем мире человека, утратившего
стратегию индивидуального и социального
бытия.

Можно констатировать, что в начале XXI
в. сложилось несколько основных стереотипов
духовного бытия и самовыражения в со-
временной культуре, которые отражают кри-
зисное состояние общества. Не отвергая су-
ществования высших образцов духовности во
всех формах общественного сознания (поли-
тической, правовой, нравственной, эстетиче-
ской, религиозной, философской и научной),
акцентируем внимание на те духовные «ано-
малии», которые, на наш взгляд, зачастую
порождает или активизирует культура по-
стмодернизма. Наиболее ярко подобная ги-
пертрофированная духовность проявляется в
феноменах духовной комы и духовного ван-
дализма.

Духовная кома представляется нам как
бытие человека, который занимает пассив-
ную позицию, не делает никаких попыток из-
менить себя и свою жизнь. Апатия и безраз-
личие ведут к тому, что личность слепо сле-
дует установкам окружающей социокультур-
ной среды, являясь бездумным потребите-
лем индустрии развлечений. Духовная энер-
гия активно расходуется в праздничных спек-
таклях последней, а неосознанный механизм
защиты от согласованного транса (термин Ч.
Тарта) проявляется в подавлении естествен-
ных устремлений, наркотизации сознания,
предельной рационализации бытия и т. д. [3,
с.178-201].

Духовный вандализм, напротив, предпо-
лагает изменение вектора творческой сози-
дательной энергии, его переориентацию на
разрушение внутренних и внешних субъек-
тивных пространств на основе реанимации и
активизации ряда животных инстинктов, свя-
занных с программой биологического выжи-
вания. Наиболее ярко духовный вандализм

демонстрируется в рок-музыке, массовой ки-
нопродукции, компьютерных играх, распро-
странении сатанинских культов, навязчивой
пропаганде экстремальных видов отдыха
(экстремального образа жизни вообще), сек-
суальных излишеств и т. п. Изначально зало-
женный в эгоструктурах сознания механизм
саморазрушения, связанный с эпифеноме-
нальностью социокультурного «Я», его пер-
вичной дифференцированно-смысловой он-
тологией, приходит во все большее противоречие
со структурирующей и создающей
энергией духовной целостности. Личность ут-
верждается в идее насильственного, «унич-
тожительного» решения проблемы («добро»
побеждает «зло» в подавляющем большин-
стве образцов массовой культуры такими
жестокими методами, что «добрые герои»
мало чем отличаются в этом случае от «от-
рицательных» персонажей).

Отсутствие благополучия в духовной
сфере проявляется также в различных вер-
сиях парциальной (дробной), а не холистиче-
ской (целостной) духовной деятельности, аб-
солютизирующих отдельные грани духовной
целостности. Основные из этих парциальных
форм мы обозначили понятиями «духовный
конфессионализм и формализм», «духовно-
религиозный формализм», «духовный ок-
культизм», «духовный фанатизм и экстре-
мизм», «духовный прагматизм», «духовно-
социальный конвенционализм», «духовный
эстетизм», «духовный физиологизм», «ду-
ховно-информационный технологизм». В них
высшие духовные устремления человека на
пути интеграции микрокосма подменяются
гиперболизацией лишь одной из сторон его
целостности и закономерным ослаблением и
угасанием других.

Духовный конфессионализм связан с
функционированием мировых и националь-
ных религий, у представителей которых ве-
ками выработался свой эталон духовности,
связанный с определенным догматом, кото-
рый они раскрывают перед своими прихожа-
нами (многие именно с обращением к рели-
гиозным ценностям связывают возрождение
духовности). Однако следует отметить, что
все многообразие духовного потенциала че-
ловека сегодня вряд ли сможет раскрыть хоть
одна из церквей. У религии (как социального
института) всегда были свои, узкоконфессио-
нальные, цели и задачи, выполнение которых
далеко не всегда как в прошлом, так и в на-
стоящем, имело однозначные последствия.
Конечно, она сыграла в истории огромную,
неоценимую роль, став важным фактором

становления человеческого в человеке, возвысив его над биологическим существованием. И сегодня некоторая часть религиозных традиций продолжает оставаться достаточно существенным фактором эволюции нашей цивилизации, однако, являясь своеобразным «посредником» между высшими онтологиями бытия и человеком, часть церковной верхушки и данного социального института достаточно часто (при этом далеко не оправданно) монополизировала право на истину, предлагая ее в готовой форме своим последователям.

Все большую силу сегодня набирает духовно-религиозный формализм. На переломных этапах истории возрастает надежда людей на то, что именно церковь может стать спасительным якорем в океане проблем и поможет «обрести спасение» как на этом, так и на том свете. Неизменно растет количество людей, посещающих церковь в надежде, что кто-то за них решит их духовные проблемы (мы не имеем в данном случае людей, искренне верящих в высшие начала и предпринимающих собственные усилия для обретения единства с ними). Однако рост «верующих» не есть показатель улучшения духовной ситуации и уменьшения греха. Дело в том, что очень многие «новообращенные», не понимая смысла и сути многих обрядов, ритуалов, глубинных идей догмата, просто перекладывают на церковь все свои заботы (кстати, в этом достаточно часто есть и вина священников, которые не ведут необходимой разъяснительной работы с прихожанами). Считаем, что подобный формализм недопустим в духовной эволюции. Есть прямые и косвенные указания во всех мировых традициях на то, что усилия церкви и священников являются значимым условием обретения контакта с высшим началом, но при этом огромную роль играют собственные усилия человека, его готовность изменить себя.

Духовный оккультизм как попытка раскрыть глубинные внутренние основания явлений и процессов отражает стремление некоторых людей сразу достичь высшего откровения, минуя долгий и тяжелый «путь ученичества» через постижение ритуалов и культов прошлого. Огромную роль в этом играют СМИ, привлекая внимание к загадочным феноменам внутреннего и внешнего мира человека, широко тиражируя достаточно примитивные содержательные штампы из истории и современности, отражая в художественных образах загадочный иномир. А ведь мир подобной оккультной реальности не так безобиден, как это порой представляется в экзо-

тических рекламах телеканалов и в прессе. Сколько случаев реального «ухода» и обратного «невозвращения» людей к нормальной жизни зафиксировано в современных психотерапевтических лечебницах! Скольких активных и деятельных людей, вырванных из реальности технологиями самостоятельного общения с «высшими» уровнями бытия, лишился сегодня социум!

Духовный фанатизм и экстремизм наиболее ярко проявляются в работе тоталитарных сект, которые активно используют самые различные приемы, вырывая человека из мира социальной реальности и предлагая свой сиюминутный вариант «спасения», пользуясь социальной нестабильностью и духовной растерянностью людей, агрессивно воздействуя на них через психотехники, политико-идеологические догматы. Они обычно связаны со слепой, неосознанной верой в догматические установки канона той или иной традиции, неприятие мнения и образа жизни других людей и социальных групп. Духовный фанатизм разделяет общество на замкнутые группы, может служить питательной почвой для самых различных социальных движений (например, как основа терроризма).

Духовный прагматизм во многом определяется резко возросшей мощью интеллекта в условиях совершенствования образовательных технологий, совершенствования каналов информационной трансляции, мощью, которая оказалась не подкрепленной пропорциональным развитием других уровней субъективного мира, смысловых компонентов сознания. Это в реалиях информационного «взрыва» поставило человека в достаточно затруднительное положение, поскольку растущие потребности эго в получении максимума информационных услуг оказались невыполнимы. Попытки во всем видеть выгоду, одерживать победу в конкурентной борьбе, социальном соревновании (за престижное место учебы, работы, за различные призы) создают постоянное психическое напряжение, вызывающее стрессы и серьезные психосоматические патологии.

В условиях кризиса классических моделей познания, основанных на линейном принципе мышления, категоричности и односторонности суждений, единственно правильной методологической установки, все попытки личности найти однозначные ответы в контексте линейного мышления заведомо обречены на провал. Мир не такой, каким его хочет видеть рвущееся к абсолютному утилитарному знанию, неудовлетворенное всем и

вся эго. Необходимо понять, что деятельность современного ученого, основанная только на конвенциональных абстракциях, не подкрепленная этикой и не окрашенная эмоциями и переживаниями, может породить гораздо большую беду, чем взрывы в Хиросиме и Нагасаки.

Духовный эстетизм ярко проявляет себя в современном художественном творчестве. Когда для творца главным становится самовыражение, стремление создать нечто необычное, не имеющее аналогов, и это становится главным ориентиром духовных исканий, то неизбежно появление тех «шедевров», которыми так богато искусство постмодерна. В условиях всемирной информатизации каждый творец должен задуматься над тем, что он несет людям? Какие изменения в сознании человека может вызвать его «духовное детище»? Насколько добрее (или злее), эгоистичнее (или альтруистичнее), щедрее (или скупее) станет человек, соприкоснувшись с творчеством другого, более талантливого и сильного, чем он? Насколько он поймет необходимость отличать красивое от безобразного, справедливое от вседозволенного?

Духовно-социальный конвенционализм определяет для личности социально-значимые приоритеты, связанные со служением семье, государству, народу. Именно на выполнении конкретных социальных ролей замыкаются духовные устремления человека. Конечно, это бывает достаточно оправданно в условиях стабильного, процветающего общества (возможно, этим во многом объясняется тысячелетнее существование ряда цивилизаций прошлого). Однако в условиях динамичного, противоречивого мира вряд ли стоит сводить всю многогранную деятельность только к социально-государственным, бытовым, корпоративным догматам (превращая их в единственную онтологию духовного бытия), хотя с честью нести звание гражданина своего Отечества просто необходимо для того, чтобы существовали хоть какие-то гарантии для отдельного человека, его семьи, будущего народа и конкретного государства.

Духовный физиологизм акцентирует внимание лишь на физическом здоровье и красоте. Человек тратит все усилия на то, чтобы поддерживать себя «в форме». Подобная версия духовности представлена в

спорте, туризме, разнообразных конкурсах «мисс...» и «мистер...», топ-моделей и модельеров, функционировании различных типов клубов красоты, искусстве боди-арта, бодибилдинга, деятельности гигантов фармакологической индустрии и парфюмерии, повальным увлечением теорией и практикой самолечения. Никто и никогда не отвергал значимости поддержания человеком своей физиологической сущности в должном состоянии. Но если это становится смыслом бытия человека и его самореализации на основе достаточно сомнительных эталонов, без учета духовной составляющей всех физиологических процессов и форм, то стоит задуматься, нужны ли нам подобные «красота» и «здоровье».

Духовно-информационный технологизм получил широкое распространение в условиях создания компьютерной революции и создания глобальной сети Интернет. Повальное увлечение компьютерными играми, электронным общением сформировало особый мир виртуальной реальности, который для многих молодых людей стал пространством реализации их духовного потенциала. Все плюсы и минусы подобной «духовной» деятельности сегодня достаточно широко представлены в СМИ, поэтому отметим только тот факт, что, как это было достаточно часто, средства затмили цель, превратившись в самодостаточный феномен, который захватывает в сферу своего влияния все новых и новых «адептов».

Назвав основные, на наш взгляд, версии духовного бытия в современном мире, подчеркнем, что мы не ставили специальной цели кого-то осудить и раскритиковать. Хотелось бы лишь отметить, что духовность представляет и действительно реализует себя в качестве многогранной целостности в самых различных направлениях и формах духовной культуры, при этом, не редуцируясь к какой-то одной из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. – М.: Современные тетради, 2004.
2. Сергейчик Е.М. Философия истории. – СПб.: Лань, 2002.
3. Гарт Ч. Пробуждение. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 2004.